

КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ*

В статье рассматривается проблема функционирования городского пространства как коммуникативной площадки выражения общественного мнения. Целью работы является анализ культуры граффити, которая привлекает внимания к современным социальным процессам, а основная задача — оценка смыслового и социокультурного содержания граффити и их влияния на формирование общественного сознания. На основе концепции французского исследователя Ролана Барта авторами проанализирована локация «Двор Букашкина» в г. Екатеринбурге. Обобщены представления о социальных процессах в культурологическом, социологическом и философском ключе.

Ключевые слова: культура граффити; молодежный вандализм; общественное мнение; общественное сознание; текст культуры

Современные социальные процессы с их противоречивым и неоднозначным характером затрагивают все группы населения. Реакция на их течение и результаты выражается посредством общественного мнения. Актуальным является исследование особенностей субъектов социальной активности, которые наиболее открыто реагируют на изменения в структуре общественного сознания, тонко чувствуют колебания социальной системы. Попытка привлечь внимание к негативным и позитивным явлениям социального развития находит свое выражение в культуре граффити. Необходимо отметить, что она занимает промежуточную нишу между вандализмом и искусством. Продакшн-директор Музея стрит-арта в Санкт-Петербурге А. Муценко называет граффити «коммуникационным каналом как между участниками сообщества, так и с окружающим миром» [Муценко]. То есть в некоторых социальных процессах именно эта практика делает пространство города площадкой для трансляции граффитистами собственной мировоззренческой позиции, поиска определенной общественной солидарности, попыток формирования общественного сознания.

В рамках данного исследования были обозначены отличительные особенности таких понятий, как «общественное мнение», «общественное сознание», «социальный процесс». Эти вопросы находятся в центре внимания зарубежных и отечественных исследователей: П. Бурдьё, Д. Гавра, О. Гурова, Б. Докторова,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

ПОРОЗОВ Роман Юрьевич — кандидат культурологии, аналитик отдела международных образовательных проектов, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета (e-mail: r.porozov@yandex.ru).

КЛЮСОВА Полина Сергеевна — старший преподаватель кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета (e-mail: polinasergeevna1900@mail.ru).

© Порозов Р. Ю., Ключова П. С., 2021

Э. Дюркгейма, О. Кружкова, Г. Лебона, Ю. Левады, У. Липпмана, Э. Ноэль-Ноймана, Г. Тарда. Социальный процесс как феномен развития общества рассматривается в работах Г. Зиммеля, В. Каминского, М. Морева, В. Падерина, Т. Парсонса, Ю. Плотинского, П. Сорокина, П. Штомпки. Исследование культуры граффити отражено в трудах Р. Барта, Д. Голышко-Вольфсона, Р. Кибривски, Д. Лея, В. Руденко, Д. Феррела и др.

Исследователями отмечается содержательное многообразие термина «общественное мнение». В широком значении это понятие подразумевает «состояние массового сознания, в котором выражается отношение (скрытое или явное) различных совокупностей людей, именуемых общественностью, к явлениям, событиям и фактам социальной действительности, затрагивающим их потребности и интересы» [Грушин, Горшков, Голдберг]. У. Липпман предполагает, что общественное мнение — это «конструкт, который формируется по установкам», которые принимаются большинством и выступают побуждающим мотивом к деятельности и «в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп» [Липпман, с. 12]. То есть общественное сознание — это результат определенной коллективной рефлексии на актуальные вопросы социальной реальности. Э. Ноэль-Нойман отмечает, что общественное мнение является результатом двух процессов: непосредственного наблюдения за окружающей действительностью и воздействия средств массовой информации [Ноэль-Нойман, с. 9]. Таким образом, общественное мнение выступает своеобразным маркером социальных процессов.

Исследователи М. В. Морев и В. С. Каминский отмечают, что политические, культурные и социально-экономические условия изменяются под воздействием активных глобальных процессов. При этом изменения касаются «мировосприятия россиян, которые сегодня сталкиваются с совершенно иными проблемами, чем ранее» [Морев, Каминский]. Авторы классифицируют эти изменения «по сфере проявления: экономические, политические, экологические, воспитательные и т. д.; по механизму проявления: стихийные, сознательные, естественно-исторические; по степени управляемости: управляемые, слабо управляемые, неуправляемые; по роли в обществе функций объекта: функциональные, дисфункциональные; по направленности качественного состояния объекта: прогрессивные, регрессивные; по интенсивности изменений качественного состояния объекта: эволюционные, революционные» [Там же]. Взяв за основу указанные сферы, можно выявить структуру реакции на них. При этом культура граффити по-своему отвечает экономическим, политическим, экологическим и воспитательным вызовам. Управляемость и неуправляемость выражения общественного мнения через граффити зависит от того, кто выступает источником социального заказа на данную практику и кто является его исполнителем: политические структуры, представители разных субкультур, активные граждане, молодежные организации. Если заказ не поступает «сверху», то граффити становятся неуправляемым дисфункциональным способом реакции на происходящие в социуме процессы и занимают статус «вандальной» практики. В этом случае они представляют собой индивидуальную реакцию на коллективные установки, связанные, по мнению

авторов, с понятием «атомизация». В социологическом понимании данный процесс связан с представлением одной группы населения, «интересы и ценности которой должны, безусловно, доминировать над интересами личности (отдельного человека)» [Падерин]. То есть деструктивное поведение — это попытка сопротивления и выражения общественного мнения. О. В. Гурова и О. В. Кружкова отмечают субъективность проявления данного типа поведения, это «форма самоутверждения, самовыражения» [Гурова, Кружкова, с. 115–121]. Таким образом, граффити можно рассматривать как способ манифестации определенных социально значимых идей.

И. А. Ильева и Р. Я. Цибриенко в своей работе «О методологии социологического исследования современных социальных процессов» выделяют бинарные социальные процессы, среди которых в контексте вандальных практик можно отметить: «виртуализацию (“неопределенное”, “потенциальное”, “актуальное” как процесс формирования представлений, интерпретаций о различных сторонах и явлениях социальной жизни), объективизацию или материализацию (процесс практического, реального проявления социальных явлений в общественной жизни); сотрудничество или кооперацию (совместная деятельность по достижению желаемой цели) — противоборство или конфликт (открытая борьба между двумя или более людьми, социальными движениями, группами интересов, классами, полами, организациями, политическими партиями, этническими, расовыми или религиозными коллективами, государствами)» [Ильева, Цибриенко]. Исследователи отмечают, что граффити можно отнести к метафоричным «гибридным» формам политического дискурса, имея в виду именно настенные надписи политического характера [Будаев, с. 105]. С. В. Киселев классифицирует граффити по месту производства и распространения, смысловому содержанию, адресатам назначения, художественно-эстетическому оформлению, семантическому кодированию [Киселев].

Д. Лэй и Р. Кибривский называют граффити «индикаторами установок, поведенческих диспозиций и социальных процессов» [Ley, Cybriwsky]. Опасность вандальных практик, в том числе через культуру граффити, с точки зрения юридических научных исследований заключается в усвоении данного типа поведения и усложнении их форм [Пашутина, 2009]. Граффити, как практика выражения общественного мнения, представляют процессы объективации (материализации), при этом их можно рассматривать одновременно в ракурсе и сотрудничества, и конфликта. Граффити, и как стрит-арт, и как вандализм, выступают формой и способом выражения общественного мнения, зависят от социальных процессов и уровня культурного развития общества. По мнению П. Штомпки, существует несколько способов понимания и интерпретации социальных изменений, но культура граффити затрагивает именно первую сферу — «здорового смысла, на уровне которого люди усваивают общие идеи, понятия, представления о социальных изменениях в той мере, в какой они стремятся осмыслить собственную жизнь» [Штомпка, с. 9].

Можно также отметить, что объекты общественного мнения в культуре граффити затрагивают не только острые социальные проблемы, но и процессы,

имеющие глубокий ценностный потенциал: духовное развитие общества, его нравственные установки, экзистенциальные проблемы и общечеловеческие ценности — все то, что связано с воспитанием необходимых для социализации личности качеств.

В рамках данной статьи мы обратились к концепции французского философа, представителя структурализма и постструктурализма Р. Барта, который анализирует феномен граффити с двух позиций — «Punctum» и «Studium» [Барт, с. 44]. Его теорию мы применили к известной в Екатеринбурге локации, которую называют «Двор Букашкина» (пр. Ленина, 5в). Личность Старика Букашкина (настоящее имя — Евгений Михайлович Малахин, 1938–2005 гг.) для Екатеринбурга является знаковой. Спектр его занятий обычно определяется следующим образом: народный дворник России, скоморох, философ, фотограф, поэт и прозаик, художник. Образ Старика Букашкина уже давно мифологизировался. Согласно представлениям художника, любой объект городской среды потенциально может стать произведением искусства и иметь важный просветительский эффект. Так появился известный «Двор Букашкина», который представляет собой расписанные в стиле наивного искусства гаражи. Автор текста — Старик Букашкин, авторы изображения — общество «Картинник».

Во «Дворе» помимо рисунков можно обнаружить «поучительные» выражения: «Где друзья садятся в круг, пусть цветут бобы, цветы и лук»; «Поможем сиять солнцу, пусть свет в каждом оконце». Встречаются и «заигрывания», вовлекающие зрителя в настоящий квест:

Ну-ка, давайте вдоль стенки пройдем,
ну-ка, взглядимся, ну-ка, найдем,
льва и стрекозок на розе,
елку, листок на березе...

Бартовский Punctum здесь раскрывается за счет внутреннего и внешнего динамизма граффити. Внешний (материально и визуально воспринимаемый) динамизм — это протяженность сюжетной линии, которая складывается из образов, идущих друг за другом. Традиционно граффити — это одно изображение, которое не имеет сюжетного продолжения в другом. В этом смысле каждое граффити — это законченное и самостоятельное художественное произведение. В рассматриваемом нами случае сюжетная линия граффити выходит за рамки одного изображения и продолжается в последующих. Внутренний (интеллектуальный) динамизм граффити складывается как результат вовлеченности зрителя в игру, предлагаемую ему. Внимательный зритель, по задумке авторов, должен испытать целый конгломерат эмоций, когда следует за сюжетной линией.

Studium здесь — это желание понять, зачем авторы создали данный объект, что ими двигало. Отчасти это отвечает тем представлениям, что одной из основополагающих функций современного уличного искусства и его представителей (в частности, граффитистов) является попытка снять традиционные оппозиции между «высоким» и «низким», «развлекательным» и «серьезным», «временным»

и «постоянным», «повседневным» и «вневременным». Для культуры граффити данные оппозиции не актуальны, они отсутствуют.

Рассматривая «Двор Букашкина» с точки зрения отражения общественного мнения, необходимо отметить, что здесь граффити затрагивают те базовые общечеловеческие ценности, которые составляют основу размышлений над окружающей нас действительностью. Речь идет об утрате таких человеческих качеств, как сочувствие и взаимопомощь, дружба, толерантность.

Таким образом, ценностные установки, транслируемые через культуру граффити, могут восприниматься одновременно и в качестве закрепленной в общественном сознании мировоззренческой позиции, и в качестве побудительного мотива к формированию общественного мнения. Граффити как текст культуры позволяет фиксировать в едином графическом изображении двойственность субъект-объектной модели восприятия окружающей реальности.

Барт Р. Camera lucida. М., 1997. 87 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. 3-е изд., стер. М., 2018.

Гурова О. В., Кружкова О. В. Вандализм как деструктивная стратегия реализации субъектности подростка // Педагогическое образование в России (Екатеринбург). 2017. № 3. С. 115–121.

Грушин Б. А., Гориков М. К., Голдберг Ф. И. Общественное мнение. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7106> (дата обращения: 05.11.2020).

Делейчук Л. Э., Фардзинова З. А. Вандализм как форма асоциального поведения молодежи // Политика, государство и право. 2015. № 6. URL: <http://politika.snauka.ru/2015/06/3167> (дата обращения: 24.10.2020).

Ильяева И. А., Цибриенко Р. Я. О методологии социологического исследования современных социальных процессов // Вестн. ТГУ. 2008. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodologii-sotsiologicheskogo-issledovaniya-sovremennyh-sotsialnyh-protsessov> (дата обращения: 18.10.2020).

Киселев С. В. Знаково-психологические мотивы граффити в молодежной субкультуре // Социол. исслед. 2005. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/846/925/1219/013.KISSELEV.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).

Литтман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М., 2004. 384 с.

Морев М. В., Каминский В. С. Социальные процессы: классическая теория и современная актуальность // Вопр. территориального развития. 2016. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-protsessy-klassicheskaya-teoriya-i-sovremennaya-aktualnost> (дата обращения: 18.10.2020).

Мищенко А. Граффити — искусство или вандализм? // Design Mate : [независимое интернет-издание]. URL: <https://design-mate.ru/read/an-experience/graffiti-art-or-vandalism> (дата обращения: 04.11.2020).

Николаева Ю. В., Гребенников В. В., Федякин А. В. и др. Исследование особенностей молодежного вандализма и выработка инструментария его профилактики // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 224–234. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2020/n3/Nikolaeva_Grebennikov_Fedyakin_full.shtml (дата обращения: 04.11.2020).

Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем. ; общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М., 1996. 35 с.

Падерин В. К. К вопросу изучения новых социальных процессов в российском обществе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-izucheniya-novyh-sotsialnyh-protsessov-v-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 18.10.2020).

Пашутина О. В. Вандализм как преступление против общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 27 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 2007. 828 с.

Ley D., Cybriwsky R. Urban graffiti as territorial markers // Annals of the Association of American Geographers. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8306.1974.tb00998.x> (accessed: 24.10.2020).

Статья поступила в редакцию 18.12.2020 г.